

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: ВЕКТОРЫ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Введение. Глобализационные тенденции нашего времени актуализировали проблему исследования взаимодействия и одновременного противостояния социальных институтов общества, а именно — государства и религии. Поэтому прояснение истоков оппозиции советская власть — религия (Русская Православная Церковь) актуально для более полного понимания генезиса социалистического общества.

Основная часть. Очевидно, что взаимоотношения советской власти в первые годы ее существования с РПЦ — одно из «белых пятен» истории нашей страны. На данную проблему сложилось несколько точек зрения. Наиболее распространенная в советской официальной историографии концепция заключается в утверждении, что первоначально РПЦ объединила вокруг себя антисоветские силы, и поэтому большевики вынуждены были использовать силу для нейтрализации политической деятельности Церкви. Правда, впоследствии церковные власти осознали бесперспективность и ошибочность такой политики и впоследствии поддерживали советскую власть. В 1927 году патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский) заявил о том, что Церковь не является врагом существующему режиму. Более того, с началом Великой Отечественной Войны РПЦ одной из первых обозначила свою патриотическую позицию, а с избранием патриарха все недоразумения между советской властью и Церковью окончательно исчезли. Правда, замалчивается факт гонений на религию при Н.С. Хрущеве.

Следующая точка зрения на данную проблему основывается на положении несовместимости марксизма — ленинизма с религией. Еще один подход при исследовании данной проблемы основывается на том, что аксиологическая доктрина РПЦ во многом отличалась от этических установок большевизма и поэтому советская власть боролась не просто с религией, но, прежде всего, с христианством.

Официальной точкой отчета идеологической борьбы советской власти с религией можно считать «Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», опубликованный 23 января 1918 года [3, с.102-103]. По этому декрету РПЦ лишалась статуса юридического лица и, следовательно, лишалась права иметь собственность. Тем самым РПЦ становилась нелегитимной организацией, на нее не распространялось действие государственных законов. Любопытно, это положение не изменилось даже в «эпоху гласности и нового мышления».

В начале 1918 года, когда большевики развязали свой кровавый террор. Патриарх Тихон издал свое «Послание с анафемой» [2, с.23]. В послании прозвучало требование: «безумцы, прекратите кровавые расправы» [2, с.24]. Большевики в нем не были названы прямо. Но было понятно, что отлучение от Церкви касается, в первую очередь большевиков, так как именно они несли ответственность за беззакония, творящиеся от их имени «на благо революции». В Послании говорится: «...ежедневно до нас доходят сведения об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных людей» [2, с.24]. Патриарх в «Послании с анафемой» прямо упоминал «безбожных властелинов тьмы века сего» [2, с.25], перечислял действия властей, направленные против Церкви, в том числе, попытку захвата Александро-Невской Лавры [2, с.22]. Само послание, с точки зрения церковного права, не носило антиправительственный характер. Это была мера, которая объявляла, что те, кто творит беззакония, находятся вне ограды Церкви. Ихние действия Церковь в лице патриарха Тихона квалифицировала как грех, но оставляла возможность покаяния. Патриарх не мог, находясь на вершине духовной власти, не употребить этой своей власти для обуздания греха. Во всяком случае, попробовать это сделать он был обязан и он это сделал. Его положение обязывало предать анафеме изуверов. Более того, Патриарх Тихон тогда же призвал духовенство проявлять в отношении советской власти гражданскую лояльность, повиноваться советским законам, когда эти законы не противоречат вере и велениям христианской совести. Такое положение обосновал еще Тертуллиан: «Итак: что Афины — Иерусалиму? что Академия — Церкви?..» [1, с. VII]. Позиция иерархов Церкви была следующей: Церковь может осуждать только грех. Но греха под названием «контрреволюция» Церковь не знает. Все это свидетельствует о том, что РПЦ в лице патриарха Тихона, выполняла свой пастырский долг, и никакого официального отношения к противостоянию с властью большевиков не имела.

Иллюзии о том, что новая власть услышит голос Церкви были развеяны, после того, когда в своем программном документе на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года, было заявлено, что большевики и дальше будут бороться с религией, искореняя религиозные предрассудки. На съезде было принято постановление следующего содержания: *В области религиозных отношений* 13. «По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. с. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет и своих программах, но нигде в мире не довела до конца, благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой.

РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма» [4].

Исходя из полученных установок, на всей территории страны была усилена антирелигиозная пропаганда. В 1922 году была учреждена специальная Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б), эта инициатива исходила из Политбюро [3, с.155 — 157]. Возглавил работу этой комиссии Емельян Ярославский (он же Миней Губельман), председатель «Союза безбожников». Антирелигиозная комиссия стала координирующим центром борьбы с «религиозными пережитками».

В 1922 году стала выходить газета «Безбожник», затем с таким же названием журнал, и целый ряд других печатных изданий того же пошиба. В 1925 году «Общество друзей газеты «Безбожник» было преобразовано в «Союз безбожников». В 1929 году этот Союз был переименован в «Союз воинствующих безбожников». Союз ставил перед собой цели стать самой массовой общественной организацией в СССР. Таковым, не смотря на принимаемые властями меры, он не стал, но такие попытки предпринимались. В частности разрабатывались планы проведения «пятилеток безбожия», по образцу пятилеток, запланированных для развития страны в сфере экономики и сельского хозяйства.

Как известно, в декабре 1936-го была принята очередная конституция, которая, формально постулировала политику веротерпимости. О религиозных настроениях в обществе засвидетельствовала всесоюзная перепись 1937года, которая показала, что верующими при ответе на вопрос анкеты Верующий ли вы, если да, то к какой религии принадлежите? позиционирует большинство граждан страны.

В документах для служебного пользования руководители «Союза воинствующих безбожников» вынуждены были признать, что атеистами позиционируют себя не более 10%. То есть до 90% населения оставались верующими людьми, что свидетельствовало о полном провале антирелигиозной и атеистической пропаганды. И это несмотря на повсеместное закрытие храмов и репрессии против священнослужителей. В частности, на территории нашей страны оставался один незакрытый храм.

Заключение. Большевики изначально подчеркивали, что они стремятся создать «нового человека», который и станет фундаментом построения нового общества. Мешает этому процессу, кроме всего прочего, в том числе и религия. Поэтому вполне обоснованно можно утверждать, что вне зависимости от позиции РПЦ после прихода к власти большевиков христианство преследовалось бы. Основание для этого мы находим в самой идеологии, которую проповедовали большевики. Исходя из идеологии марксизма — ленинизма, любой социальный институт, не отвечающий идеологическим установкам большевизма, подлежит уничтожению. Таким образом, эти имплицитные противоречия, прежде всего в аксиологической сфере с неизбежностью вели к противостоянию между советской властью и религией.

Приложения

Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви (23.1.1918)

1. Церковь отделяется от государства.
2. В пределах Республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности граждан.

3. Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисповеданием никакой веры, отменяются.

Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется.

4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики.

Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности.

6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей.

Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда.

7. Религиозная клятва или присяга отменяется.

В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание.

8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений.

9. Школа отделяется от церкви.

Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается.

Граждане могут обучать и обучаться религии частным образом.

10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений.

11. Принудительные взимания сборов и обложений в пользу церковных и религиозных обществ, равно как меры принуждения или наказания со стороны этих обществ, над их сочленами, не допускаются.

12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью.

Прав юридического лица они не имеют.

13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием.

Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ.

Подписали: Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов (Ленин).

Народные Комиссары: Подвойский, Алгасов, Трутовский, Шлихтер, Прошьян, Менжинский, Шляпников, Петровский.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич.

Собрание узаконений и распоряжений. 1918. № 18. [3, с.102-103]

Секретное письмо В.И. Ленина членам Политбюро (19.3.1922)

Товарищу Молотову для членов Политбюро.

Строго секретно.

Просьба ни в коем случае копий не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину, тоже) делать свои заметки на самом документе. Ленин.

...Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты не для печати, а именно сообщение о подготавливаемом черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент.

...Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя... единственный момент, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе, фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь... ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс...

... По международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

В Шую послать одного из самых энергичных... членов ВЦИК... причем дать ему словесную инструкцию... чтобы он в Шуе арестовал как можно больше, не меньше, чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на

полном собрании Политбюро... На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он несомненно стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы...

...Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать... [3, с.154-157]

Список цитируемых источников

1. Тертуллиан, К.С.Ф. О плоти Христа. О Прескрипции (против) еретиков. Избранное / К.С.Ф. Тертуллиан. – М.: Алтейя, 2004. – 432 с.
2. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М.: Издательство Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.
3. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / Составитель Г. Штриккер. М.: "Профили", 1995. – 400 с.
4. Сборник выступлений, документов и материалов цикла «КПСС в стенограммах, документах и материалах», #1919–03–18 — М.: Госполитиздат, 1959 — XVIII + 602 с.: ил.

В. Д. Грицевич

Минская духовная академия имени святителя Кирилла Туровского, Минск

БЕЛОРУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ПОСЛЕ 1917 Г. КЛЮЧЕВЫЕ ВЕХИ

Революция 1917 и послереволюционные потрясения во многом связаны с причинами, которые лежат намного глубже чем может показаться на первый взгляд. Одна из первых причин это «процесс расцерковления, секуляризации социальной жизни» [4, с.9]. Многая часть дворянства к началу 20 века если не враждебно, то отрицательно относились к Церкви и духовенству. Но самая главная проблема крылась в том, что «Государство строило храмы, но оставляло в запустении Церкви» [4, с.9].

Упадок в церковной жизни, с особой силой отразился в начале XX века, есть не что иное как отражение процессов деградации народа, его нравственного и духовного истощения. Все эти процессы неумолимо вели к тому финалу, который и случился в 1917г. И кара за свои проступки духовенство несло практически все столетие. Революция 1917г. стала вехой, которая коренным образом изменила течение жизни духовенства всей Русской Церкви.

После революции 1917 года советская власть установила свой режим и на территории Беларуси: Могилевской, Смоленской, Витебской, и в значительной частях Минской губерний. Любое инакомыслие несогласное с советской властью читалось контрреволюцией и каралось концлагерями, ссылками, расстрелами. На территории вышеперечисленных областей находилось около 1500 храмов [3, с.47]. Борьба в первую очередь велась с православием: запрет издания литературы, закрытие всех духовных семинарий академий, училищ, поругание святых мощей, икон и многое другое.

В это время белорусские епархии окормляли архиепископ Константин (Бульчев) - Могилевская, епископ Георгий (Ярошевский) - Минскую, епископ Пантелеимон (Рожновский). Духовенство этих епархий сразу подверглось гонениям. Одним из первых декретов новой власти был декрет об отделении школы от государства.

Однако террор советской власти недолго длился на всей территории Беларуси. В 1918 году был подписан Брестский мирный договор, согласно которому часть Беларуси оказалась под немецкой оккупацией власти поделили границу по линии Полоцк, Сено, Орша, Могилев, Жлобин. Однако недолго оставалась в таком состоянии граница, и уже в ноябре этого же года граница изменила свои очертания, советская граница продвинулась на запад. Вместе с отступавшими немецкими властями свои кафедры, боясь советского преследования, покинули свои кафедры епископы Пантелеимон и Георгий.

Однако уже летом 1919 года значительную часть Беларуси оккупировали польские войска. "В отличие от немцев, поляки стали проводить политику ревизии, т.е. отторжения у православных тех храмов, которые некогда были либо униатскими, либо костёлами." Следует правда отметить, что данная политика была не обоснована и не соответствовала истине, потому что большинство церквей, на которые подавали иски с просьбой изъять их у православных, были построены либо после 1839 года, или же до 1596 или на месте более древних храмов, принадлежавших православным были перестроены в униатскую эпоху. Действительно, православных храмов, которые искони были католическими, было немного. Поэтому практически все иски были отклонены. Однако под угрозу конфискации попали такие святыни как Жировицкий монастырь, Почаевская лавра.

Были единичные случаи, когда во время захвата храма страдали священнослужители и народ. Но в большинстве своем польская власть относилась к православным лояльней, чем советская власть. Однако